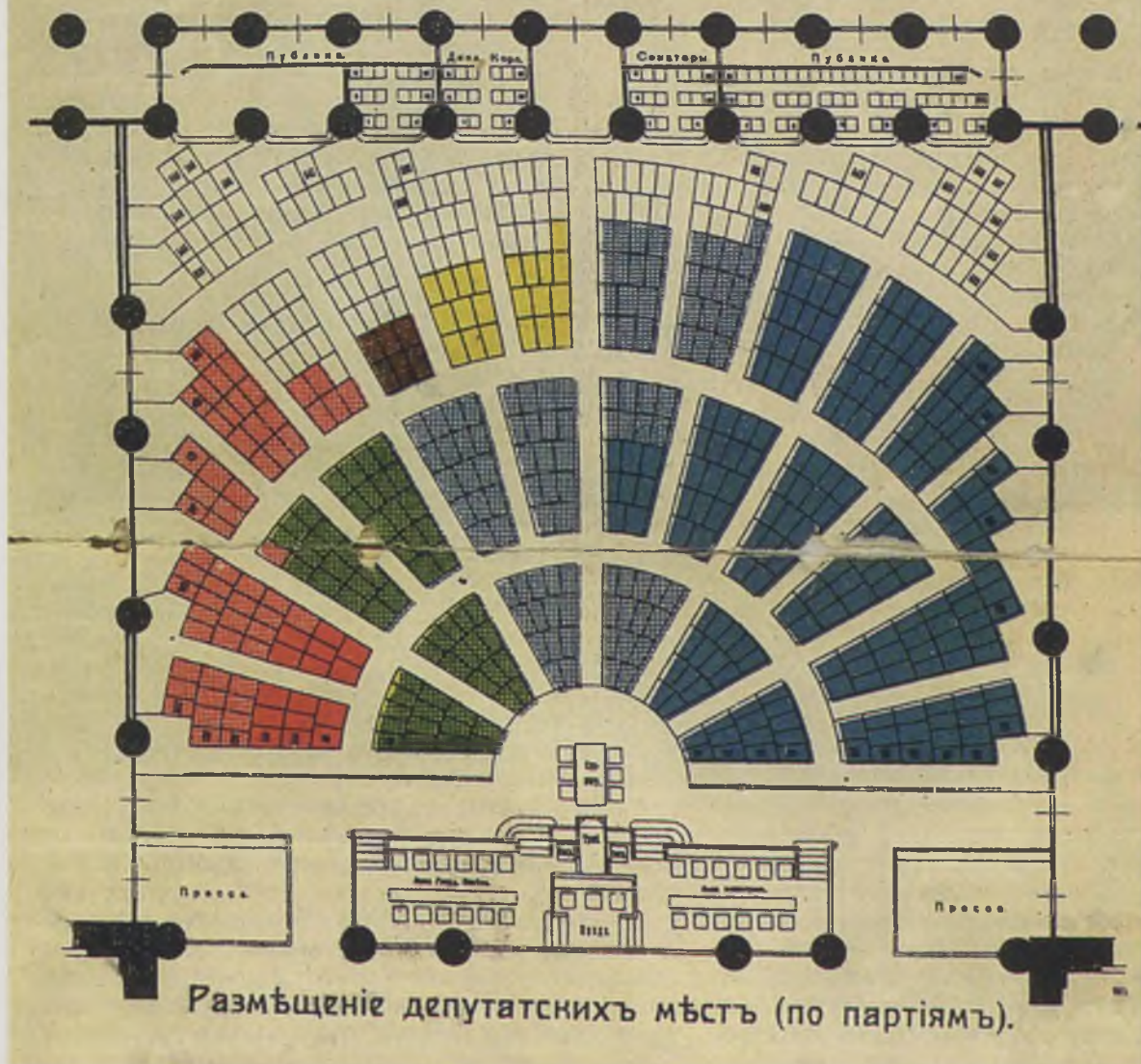

ПЛАНЪ

зала засѣданій Государственной Думы.

«ВЕЗДЕ ВИДНА ЦЕЛАЯ СИСТЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ»

Начало работы IV Государственной думы в 1912–1913 годах проходило на фоне непрерывной борьбы думской оппозиции за отмену, хотя бы частичную, результатов выборов, которые были самым бесцеремонным образом подтасованы правительством и местными властями. Оппозиционеры собрали и обобщили применявшиеся тогда способы фальсификации результатов голосования, ставшие с тех пор классическими.

Если бы не огромное количество подтасовок на выборах, в Думе оказалось бы гораздо меньше представителей крайне правого крыла

«Лишь в истории полуцивилизованных государств можно найти примеры подобных фактов»

«В СМЫСЛЕ СТЕСНЕНИЯ СВОБОДЫ»

То, что происходило в конце лета и осенью 1912 года, вызывало оторопь даже у самых выдавших виды подданных Российской Империи. Полномочия III Государственной думы истекли, и началась активная подготовка к выборам в Думу четвертого созыва. После долгих лет реакции и подавления любого инакомыслия не только революционно настроенной или либеральной части общества, но и вполне далеким от политики людям казалось, что новый состав законодательного собрания страны должен гораздо больше отражать интересы населения империи.

Однако шансы на это были, мягко говоря, невелики. Избирательная система, появившаяся в стране в июне 1907 года после разгона оппозиционной II Думы, была задумана так, чтобы никакие противники существующего строя не смогли войти в число законодателей. Прежде всего, резко ограничивалось число избирателей. К примеру, крестьянин мог участвовать в выборах, только если владел землей и работал на ней. Но все его участие в избирательном процессе сводилось к выбору представителей от своей деревни на волостной сход — по одному от десяти дворов. На каждом сходе выбирали по два уполномоченных на уездный избирательный съезд и только там избирали выборщиков, которые на губернском избирательном собрании голосовали за депутатов Думы от губернии.

Землевладельцы, составлявшие отдельную от крестьян избирательную курию — землевладельческую, участвовали в уездных съездах лишь тогда, когда им позволял это имущественный ценз — владение наделом не менее установленного законом для губернии размера или иным сельскохозяйственным предприятием стоимостью не менее 15 тыс. руб. Однако при соблюдении всех условий они лишь выбирали выборщиков на уездных съездах.

Для вхождения в одну из двух городских курий требовался определенный имущественный ценз. Для первой городской курии требовалось имущество, оцененное не менее чем в 1000 руб., или собственное дело, имевшее солидный годовой оборот. Для второй городской курии — имущество в меньшем размере: собственное предприятие или источник дохода в виде жалования по службе или пенсии. В эту курию принимали и тех, кто снимал квартиру на свое имя и, если жилплощадь не была служебной, платил за нее квартирный налог. Разница между двумя куриями заключалась в том, что их члены на предварительных съездах выбирали различное количество выборщиков на губернские избирательные собрания.

Особую курию составляли рабочие, которые могли выбрать на свой избирательный съезд по одному человеку от каждого завода до 1000 человек. А от более крупных производств — по одному человеку от 1000.

Еще одной хитростью избирательной системы была система голосования на губернских избирательных собраниях, где все участники голосовали за всех кандидатов, включая тех, кто должен был занять места по выделенной каждой курии квоте. Поэтому получалось, что депутата от рабочих выбирали представители имущих сословий, составлявшие большинство выборщиков, которые должны были стать барьером на пути любых потенциальных смутьянов. Чтобы окончательно закрыть любые лазейки для инакомыслящих, закон предписывал избирать депутатов только из числа выборщиков, ведь вся система выстраивалась так, что в их число могли попасть только самые верноподданные жители империи.

Казалось бы, правительство и императорский двор могли больше не волноваться за исход волеизъявления. Но на выборах 1907 года, проходивших по новой избирательной системе, в Думе вновь появилась оппозиция. Влиять на принятие законов 19 социал-демократов, естественно, не могли. Но вместе с крайне правыми депутатами постоянно устраивали скандалы, крайне раздражавшие исполнительную власть. Да и поведение пользовавшихся заметным влиянием представителей торгово-промышленных кругов, далеко не всегда поддерживавших основополагающие министерские законопроекты, не могло радовать правительство.

Именно поэтому после истечения полномочий III Государственной думы власти поставили перед собой задачу получить абсолютно послушный власти законодательный орган. И именно поэтому работа нового состава Думы началась в ноябре 1912 года со скандалов. Депутаты пытались опротестовать результаты выборов по отдельным губерниям и направляли министрам внутренних дел и юстиции, председателю совета министров и другим причастным к выборам чиновникам многочисленные запросы. В одном из них, внесенном в Думу 16 декабря 1912 года, говорилось:

«Минувшие выборы представляют картину еще невиданных злоупотреблений правительства и администрации своими полномочиями, в смысле стеснения свободы и прав избирателей. Лишь в истории полуцивилизованных государств можно найти примеры подобных фактов явного издевательства не только над смыслом, но и над буквою закона».

В запросе другой группы депутатов, подготовленном в тот же день, констатировалось:

«Примеров незаконных действий местных властей при выборах в 4-ю Государственную Думу бесчисленное множество. Не говоря уже о сообщениях, наполняющих газеты всех направлений, — съехавшиеся теперь в Петербург члены Государственной Думы рассказывают о надзоре „за правильностью“ выборов вещи прямо возмутительные. Решительно всеми при этом отмечается, что незаконные действия правительственной власти по надзору и производству выборов являются не единичною, случайною мерой какого-либо особо усердствующего администратора или хотя бы случайной ошибкой, непониманием закона. Нет, везде видна целая система злоупотребление; видно, что указания на целесообразность явно незаконных действий исходили от высшего начальства, из Министерства Внутренних Дел и от Обер-Прокурора Святейшего Синода».

«ГРОЗИВШЕГО ЕВРЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ ПОГРОМАМИ»

Так как же исполнительная власть нарушала составленное ею самой положение о выборах? Депутаты провели огромную работу и собрали сотни страниц свидетельств самых разнообразных злоупотреблений местных властей. Первое и главное из них заключалось в резком ограничении числа избирателей, уже усеченного по Положению о выборах от 3 июня 1907 года.

Наибольшее беспокойство властей вызывала образованная часть общества, не относящаяся к привилегированным слоям. Служащие фирм, люди свободных профессий, а также инженеры и врачи, не состоящие на государственной службе, были именно той средой, в которой развивалось инакомыслие. Они жили за счет собственных заработков и, как правило,

попадали в списки избирателей по второй городской курии как наниматели жилья, платившие квартирный налог.

«В выборах, — говорилось в депутатском запросе от 14 декабря 1912 года, — согласно Положению 3 июня, участвуют „лица, уплачивающие не менее года“ квартирный налог. Соответствующие списки плательщиков налогов сообщаются городской управе казенными палатами и местными податными инспекторами (ст. 59). Так как квартирный налог вносится за год, единовременно, то казенные палаты сообщали списки лиц, числящихся плательщиками налога за год, предшествующий составлению списков. Так, перед выборами в третью Думу, осенью 1907 г., были внесены в списки плательщиков налога лица, уплатившие или обязанные уплатить налог за 1907 г.»

Чтобы уменьшить число подобных неблагонадежных участников выборов Министерство внутренних дел обратилось в высший судебный орган империи — правительствующий Сенат — за разъяснением этого пункта Положения о выборах.

«Сенат нашел, что уплата налога за год недостаточна. Для того чтобы воспользоваться избирательным правом по п. 3 ст. 33, „необходимо пробыть не менее года плательщиком этого налога, т. е. лицом, занимающим квартиру, оплачиваемую по закону квартирным налогом“».

При этом условия сдачи квартир внаем довольно часто менялись, и людям с ограниченными финансовыми возможностями приходилось переезжать по истечении годичного контракта, а это, как подчеркивали депутаты, влекло за собой лишние избирательных прав:

«Практически последние толкования Сената следующие. Так как из сообщений казенных палат трудно было увидеть,

Избирательные комиссии благоволили вносить в списки лишь тех, в чьей благонадежности не было сомнений

кто из плательщиков налога удовлетворяет требованиям Сената, то городские управы стали вносить в списки лишь тех лиц, которые внесли налог не меньше

чем за два года. Таким образом, установленный в законе годичный срок превратился в двухгодичный. Очевидно, что это уже не тот ценз, который установлен в законе, а другой, более высокий, которому не удовлетворяют многие тысячи избирателей».

Таким же способом, с помощью разъяснения Сената, лишены избирательных прав многие тысячи евреев, которые считались неблагонадежным элементом. Высший судебный орган разъяснил, что включаемый в избирательные списки еврей кроме имущественного ценза должен обладать «безусловным правом на жительство» в данной местности. При этом понятие об этом безусловном праве было настолько расплывчатым, что местные власти получили легальную возможность массово исключать евреев из избирательных списков. К примеру, в Киеве на выборах 1912 года не осталось ни одного избирателя-еврея. Но если исключить абсолютно всех не удавалось, использовалась еще одна уловка: избирательные съезды назначались на субботу, а потому религиозные иудеи, не приходя на них, исключались из избирательного процесса.

Если и это не помогало, власти прибегали к угрозам:

«В газетах в свое время было отмечено выступление Екатеринославского губернатора Якунина, грозившего еврейскому населению погромами („недавнее прошлое“, по его терминологии) за свободное участие в выборах и при этом поручившего раввину передать эту его речь с амвона».

Представителей других конфессий власти также не оставляли своим вниманием:

РГАКФД. РОСИНФОФМ

«Во многих местах полиция отказывалась выдавать квартиронанимателям удостоверения, необходимые для представления в избирательный комиссию

или в учреждения по составлению списков (Житомир, Одесса, Киев и Чернигов); в некоторых городах выдаче таких удостоверений предшествовал распрос о политических убеждениях лица, просящего выдать удостоверение (Киев)».

При этом для включения тех, кто будет голосовать правильным образом, избирательные комиссии шли на прямые подтасовки списков. В том же Киеве депутаты обнаружили значительное количество подобных нарушений:

«Подано заявлений и жалоб на неправильное занесение: а) 41 лица в списки по обеим куриям, б) 266 лиц по два и три раза в один и тот же список, но под разными номерами, в) 160 лиц как будто бы занимающих отдельные квартиры, в действительности же живущих в одной общей квартире или семейно, или артелью (рабочие), или в отдельных комнатах одной квартиры, г) 60 лиц, вовсе не проживавших в Киеве или еще перед выборами выбывших из него неизвестно куда, д) 56 лиц, не достигших 25-летнего возраста, е) 37 лиц, служащих дворниками и швейцарами, ж) 14 лиц, состоящих на действительной военной службе или в полицейских должностях и з) 8 лиц умерших и одной женщины — Тарадкевич Александры».

Подобные факты приводились и по другим городам и уездам.

«ИЗБИРАЛИ ОДНОГО ВЫБОРЩИКА»

Тех, кто все же умудрился пробиться в число избирателей, ожидало еще множество препятствий на пути осуществления

Далеко не каждого выборщика власти допускали на избирательные собрания

их прав. К примеру, если избирателей в какой-либо курии оказывалось, по мнению властей, слишком много, то съезд можно было разделить на отделения, голосующие порознь. При этом избирательные участки выбирались так, чтобы сделать голосование максимально сложным. Часть избирателей Севастополя, например, обязали голосовать в Симферополе. А избирателям из второй городской курии Феодосии предложили отдать свои голоса за выборщиков в Керчи — за сто верст. Естественно, многие из тех, кто был ограничен в средствах или был занят на службе, поехать не смогли.

Разделение на отделения давало властям и еще одно преимущество. Территории или курии с благонадежными избирателями выделялись министром внутренних дел в отделения без учета числа избирателей, участвующих в выборах. В результате, как писали депутаты, получалось еще большее поправление избирательных прав:

«Распределение выборщиков между отделениями съездов производилось Министром нередко таким образом, как будто в Положении совершенно отсутствуют постановления, требующие, чтобы число выборщиков соответствовало числу избирателей отделения. Так, 330 избирателей первого отделения первого съезда городских избирателей Нижегородского уезда избирали одного выборщика, равно как одного выборщика избирали 109 избирателей четвертого отделения (Заречной части). При разделении на два отделения второго съезда городских избирателей Ярославского уезда 1464 избирателя первого отделения получили право на избрание одного выборщика, так же как и вдвое большее количество избирателей второго отделен-

«Первое же собрание избирателей, на котором должны были выступить кандидаты прогрессистов, было отменено»

ния, насчитывавшего 2739 избирателей. То же явление может быть отмечено и в отношении второго городского съезда Ростовского округа, где 13 000 кварти-

ронанимателей и торговых служащих получили право избрания одного выборщика, и одного же выборщика выбирали 3000 домовладельцев (то же в г. Костроме и в других городах).

Но и этого оказалось недостаточным для того, чтобы ограждать будущую Думу от оппозиционно настроенных элементов. Если власти обнаруживали, что в число выборщиков, а значит, потенциальных избранников попадал нежелательный элемент, делалось все для того, чтобы снять его кандидатуру. К примеру, тех, чьим единственным источником доходов было жалование, устраняли проще всего — увольняли со службы. Затем решением избирательной комиссии признавалось, что лицо, лишенное заработка, не может находиться в списке избирателей и должно быть из него исключено. Вслед за чем следовало исключение и из списка выборщиков.

Землевладельцев, уважаемых людей, которые прежде избирались депутатами — гласными уездных и губернских земских собраний, а некоторые — и депутатами прежних составов Думы, казалось бы, невозможно выбросить из числа выборщиков. Но власти не останавливались ни перед чем. В городе Коврове Владимирской губернии, например, помещиков, отличавшихся свободой в высказываниях и признанных неблагонадежными, исключили из списков избирателей из-за того, что их документы на землю якобы фиктивны.

Купцов исключали из списков избирателей похожим, но несколько иным способом. Для включения в число избирателей от них требовалось не только владение торго-

Подсчет голосов на выборах свидетельствовал, что расчеты правительства оказались верны

промышленным предприятием, но и личное участие в его деятельности. И накануне выборов выбранный властями некий бдительный горожанин от-

правлял в губернскую избирательную комиссию телеграмму, где говорилось, что этот купец никогда не стоит за прилавком в своей лавке или давно не появлялся на своем заводе. Поэтому «виновного» немедленно исключали из списков. Затем он, как и помещики, исключенные из списков, или уволенные служащие, мог обратиться в суд и по всем судебным инстанциям дойти до Сената. Сенат признавал их правоту, но результатов выборов не отменял. Так что все хождения по судам оказывались напрасной тратой времени.

«ИМЕЛ ОСОБУЮ БЕСЕДУ С РЕДАКТОРОМ-ИЗБИРАТЕЛЕМ»

Фальсифицировали результаты выборов и другими способами. К примеру, избиратели оставались в неведении о дне проведения голосования:

«В Дмитровском уезде, Орловской губ., администрация прислала объявление о дне и месте выборов по землевладельческой курии за день до производства выборов, когда живущие на пространстве всего уезда избиратели, несомненно, не могли быть оповещены о выборах. За день до выборов были присланы объявления и по Кромскому уезду, Орловской губ., а в г. Болхове, Орловской губ., объявления были получены в самый день выборов».

Местные власти категорически запрещали газетам публиковать что-либо о выборах, включая списки избирате-

лей, чтобы они до собрания не имели возможности поразмыслить о том, кого бы они хотели видеть выборщиками, а затем депутатами:

«Прогрессивные избиратели г. Мариуполя, Екатеринославской губ., пытались опубликовать имена своих кандидатов в газете „Мариупольская Жизнь“ и в особых афишах. Полицеймейстер потребовала указать группу, от имени которой помещается публикация, и объяснения, что такое слово „прогрессист“, помещаемое в публикациях. Когда он получил ответ на то и другое, то вычеркнул слово „прогрессист“ и имел особую беседу с редактором-избирателем, в результате которой последний отказался поместить публикацию, испугавшись закрытия газеты. Афиши были отпечатаны без слова „прогрессист“».

Как отмечали депутаты, по всей России местные власти прикладывали огромные усилия, чтобы не допустить разрешенных законом предвыборных собраний:

«В г. Киеве, например, первое же собрание избирателей, на котором должны были выступить кандидаты прогрессистов, проф. Иванов и присяжный поверенный Григорович-Барский, было отменено по распоряжению генерал-губернатора, несмотря на то, что устроителями были соблюдены все требуемые законом формальности и что до этого собрания националистов происходили беспрепятственно. Объявление о неразрешении, ничем не мотивированное, было доставлено устроителям в 7 ч. утра в день собрания, вследствие чего об отмене собрания избиратели не были уведомлены и в указанный час собрались в назначенном для собрания месте. Там были собраны уже усиленные наряды полиции. В своих объявлениях об отмене собрания устроители хотели указать, по чьему распоряжению это сделано. Полиция потребовала отметить, что собрания отменены „по независящим обстоятельствам“. Устроители в такой форме объявить об отмене собрания отказались. Пришлось обойтись без объявлений».

В г. Ставрополе-Кавказском администрация затруднилась сослаться на „независящие причины“ и избрела другой мо-

Будущий глава Временного правительства Александр Керенский длительное время пытался добиться отмены результатов сфальсифицированных выборов в Думу

тив — не существовавшие „эпидемические болезни“. Устроитель собрания кандидат к.-д. Зубов подал жалобу на действия полицеймейстера, но губернатор жалобу отклонил».

А те собрания, которые все-таки открывались, разгонялись полицией, как только любой из присутствующих начинал критиковать правительство или нелицеприятно высказываться о проправительственных кандидатах.

На этом фоне информация о том, что во многих местностях власти отменяют не понравившиеся им результаты выборов, не выглядела чем-то из ряда вон выходящим. В газетах и думских запросах говорилось об истории, происшедшей в Шмаковской волости Ирбитского уезда Пермской губернии. Там на волостном сходе выбрали на уездный съезд крестьянина Ульянова, которого власти сочли неблагонадежным. В результате сход заставили собраться еще раз и безуспешно принуждали переголосовать. В других губерниях не церемонились и просто отменяли результаты выборов и тихо отправляли на съезд другого человека.

Как отмечали депутаты, абсолютное беззаконие творилось в отношении выборщиков, являвшихся государственными или земскими служащими. Их запугивали увольнением, требовали голосовать за указанного начальством кандидата. Могли отправить в дальнюю командировку в день выборов. Или просто запретить на них пойти.

Цель, как известно, оправдывает средства, и в результате Российская Империя получила Думу с проправительственным большинством, которая была готова одобрить любые законопроекты исполнительной власти. Поэтому запросы о выборах, которые рассматривались и мурыжились на протяжении первых месяцев 1913 года так ни к чему и не привели.

Вот только избиратели совершенно разуверились во власти. Бывшие в прошлом лояльными к строю партии перешли в оппозицию. А власть, действовавшая без оглядки на население страны, вскоре оказалась в моральной и политической изоляции и перестала существовать. ✕